

Трофимов Е. А.,
кандидат политических наук, доцент
(Россия, Благовещенск), trewal15@yandex.ru

РОССИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ НЕГАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: К ВОПРОСУ О «РУССКОЙ ВЛАСТИ»

Статья посвящена проблеме «Русской власти» и состоит из двух частей (статей). В первой статье рассматривается феномен «негативная политическая нестабильность» и ее основные виды – революция, государственный переворот, реформы / контрреформы. Во второй статье – виды негативной политической нестабильности применительно к российской политике. Предлагается к рассмотрению и обсуждению гомеостатическая концепция возникновения процессов негативной политической нестабильности, раскрывающаяся в наличии зависимости между эволюционной трансформацией социума и балансом как в системе «граждане – гражданское общество – государство», так и составляющих данную систему элементов.

Цель исследования заключается в выявлении причин нелинейности развития российской политики, демифологизации «Русской власти».

Гипотеза исследования: процессы негативной политической нестабильности прямо связаны с моноцентрической организацией российской политики, воспроизводящей «плохой» эквилибрум.

В статье используется неинституциональный подход; диалектический, исторический, логический методы исследования. Феномен власти рассматривается в рамках реляционной концепции. Под нелинейностью развития общества понимается permanently отклоняющийся от общецивилизационной проекции процесс бытования политики.

Ключевые слова: «Русская власть», политическая система, нестабильность, политическое равновесие, моноцентризм, революция, государственный переворот, реформы / контрреформы.

(статья друкується мовою оригіналу)

«Русская власть» рассматривается представителями различных наук – философами, политологами, культурологами, историками, социологами и другими исследователями. Одни из них, его связывают с функционированием особого генетического кода, «матрицы», воспроизводящей соответствующий политический дизайн и политическую культуру населения, отличающую Россию от западной цивилизации. Другие, видят в нем, технологию сохранения, по сути, архаичной политики, в которой имеет единственный «центр власти» – самодержавный правитель, в ручном режиме регулирующий всю совокупность базовых политических отношений. Автор настоящей статьи является сторонником постмодернистского взгляда на политическую реальность и считает, что «самость», «особость» российского пути, виртуально представленная в сознании населения и элит, является идеологической химерой, препятствующей эволюционному развитию российской политики.

I

Состояние политической нестабильности естественно для социума и связано с наличием в его структуре широкого спектра социальных групп, находящихся в отношении борьбы и конфликта. Степень политической нестабильности в разных социумах и конкретных условиях различна, и способна приводить либо к упадку системы, ее социальному и экономическому истощению и последующему разрушению; либо способствовать развитию политики, позволяя противоборствующим сторонам решать в процессе конфликта имеющиеся противоречия путем выработки компромиссных и (или) консенсусных решений, совершенствующих политическую систему. Как писал основоположник конфликтологии Р. Дарендорф: «...конфликт является отцом всех вещей, т.е. движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной» [14, с. 147].

Негативная политическая нестабильность ведет к росту динамики конфликта, его выходу за границы, где мирное урегулирование и эволюционная трансформация социума становятся невозможными. В результате негативной политической нестабильности возникает революция или государственный переворот. Реформы / контрреформы также свидетельствуют о нахождении социума в диапазоне «негативная политическая нестабильность».

Онтологически революции, государственные перевороты, реформы / контрреформы коррелируют со степенью остроты социальных противоречий, вместе с тем, в их **базовых характеристиках** можно выделить ряд различий, которые заключаются, как минимум, в следующем: а) численном и персональном составе участников события; б) степени детонации события; в) степени идеологизации события; г) степени структурной и функциональной трансформации политической системы, последовавшей после события. То есть, различия между революциями, государственными переворотами, реформами / контрреформами связаны со степенью насыщенности события социальными противоречиями и следующими за ними трансформациями (См. например: [34, с. 219; 36, с. 301]). **Революция – это масштабное событие, включающее в качестве участников практически все социальные группы.**

Перечень участников **государственного переворота** ограничен, **отдельными представителями правящей элиты**, неудовлетворенными властным положением в государственной (или политической) системе и стремящимися усилить влияние на государство или стать частью последнего. Нередко причина возникновения государственных (дворцовых) переворотов заключается в установлении режима единоличного правления, критическом ограничении возможностей для удовлетворения властных амбиций отдельных представителей элитного сообщества или в стремлении держателей собственности тирана в ее присвоении. Самовластие тирана, поставившего себя над другими, приводит к формированию недовольных групп в элите, которые закономерно стремятся ограничить властный потенциал самодержца, осуществляя государственный переворот и, нередко лишая тирана жизни, либо изгоняя его за пределы страны. Мадам де Сталь блестяще назвала эту систему «абсолютной властью ограниченной удавкой». Таким образом, государственный переворот возникает на основе **раскола элиты, конфликта между самодержцем и отдельными группами элитного сообщества**. При этом межэлитный раскол может привести к революции, так как расколотость элиты закономерно способствует снижению качества управления, ведет к значительным транзакционным издержкам, оплачивать которые вынуждено население.

Реформы / контрреформы, как правило, рассматриваемые с позитивистских позиций, *de facto* являются показателем неспособности системы справиться с назревшими противоречиями. Исследования реформ / контрреформ свидетельствуют о том, что в стабильно развивающихся политиях не наблюдается «скачков» реформ / контрреформ, отсутствует как догоняющее, так и опережающее развитие. Причины линейности развития социумов с позитивной политической нестабильностью прямо связаны с тем,

что демократические системы подвержены постоянному внутренним и внешним течениям, «бурлению» социальной среды, приводящему к ее гомогенизации.

Если **скорость детонации** революционного события огромна – возникнув в одном центре, революция распространяется на периферию через различные социальные каналы, снося преграды нормативно-правового фундамента – *inter arma silent leges*; то скорость детонации государственного переворота сравнительно ниже – государственные перевороты, как правило, не ведут к радикальной ломке политической, экономической, социальной и правовой систем, которые продолжают действовать при новом персональном составе государства, что сдерживает трансформацию системы и позволяет ее отдельным акторам, включая представителей «старой» элиты, адаптироваться к складывающейся ситуации.

В случае с реформами / контрреформами, скорость распространения события минимальна. В условиях «реформирования» государственные решения нередко носят символический характер и рассчитаны на *captatio benevolentiae*. В ходе реформ / контрреформ выигрывают их инициаторы, то есть действующее государство, «зачищающее» с их помощью политические площадки от реальных и потенциальных противников.

Немаловажной отличительной чертой революций, государственных переворотов, реформ / контрреформ является и степень их **идеологизации**. Она максимальна в случае с революциями и минимальна в случае с реформами / контрреформами. Революции носят явно выраженный идеологический характер, их организаторами нередко является новый класс, требующий от государства то, что оно предоставит ему бессильно, как по причине политических, так и экономических соображений. Вместе с тем, с унификацией социальной и ценностной структур социума данная черта революции нуллифицируется, возникают «мирные революции», не имеющие выраженного идеологического (классового) стержня. Государственные перевороты осуществляются представителями господствующей группы, поэтому их идеологическая составляющая не выражена или отсутствует.

Реформы / контрреформы, как правило, носят популистский и инструментальный характер, осуществляются в рамках господствующей идеологии, в интересах господствующих политических групп, но также они могут являться и результатом реальных уступок тем или иным политическим силам, инструментом регулирования конфликта.

Революции, государственные перевороты, реформы / контрреформы приводят к различным **последствиям** в институциональной и функциональной структуре политики. Революционные преобразования могут приводить к качественному изменению формы государственного правления и государственного режима, институционализации новых элементов государственной и, в целом, политической системы, изменению функциональности отдельных структурных элементов политики. Результатом государственного переворота также может стать институционально-функциональная трансформация системы, но степень ее выраженности будет уступать последствиям революционного события. Реформы / контрреформы практически не затрагивают институциональную

трансформацию системы, но способны отразиться на ее функциональной стороне; нередко они осуществляются с целью: а) «зачистки» политического пространства от противников «модернизации», б) удовлетворения амбиций верховного правителя, в) позиционирования суверена к предшественнику и «старому» бюрократическому аппарату, г) увеличения кредита доверия со стороны населения.

Основные отличия перечисленных видов негативной политической нестабильности следует рассматривать с учетом известной степени условности, что подтверждает анализ исследований революций и государственных переворотов [5, с. 37; 11, с. 59; 70, с. 43–44; 71, с. 189, 215; 76, с. 3].

Возникающие в научных кругах дилеммы по вопросу классификации событий негативной политической нестабильности, в будущем, очевидно, будут приводить к появлению новой терминологии. Сегодня же этот процесс находится *in nuce* и проявляется в виде «неточностей», стимулирующих гносеологический потенциал исследователей. Вместе с тем, эти «неточности» уже сегодня могут минимизироваться анализом **процессуальных аспектов** разных видов негативной политической нестабильности.

Исходя из того, что процессуальные аспекты революции достаточно подробно рассмотрены проф. К. Бринтоном [76], внесем ряд дополнений в концепцию американского историка, которые стали очевидными с позиции сегодняшнего опыта, а также обратимся к рассмотрению государственных переворотов и реформ / контрреформ.

Во-первых, соглашаясь с К. Бринтоном в вопросе участия в революции всех социальных групп, заметим, что в определенном смысле революции осуществляют элиты и контрэлиты, которые готовят для осуществления революционного события соответствующий субстрат: первые – непрофессионализмом, утилитарным отношением к управляемым, которых рассматривают как объект для наживы; вторые – формированием негативного образа правящей группы в сознании населения. В условиях атомизации социума, идеи осуществления революции могут созреть и во внеэлитном пространстве, в ходе «восстания масс», когда большинство населения начинает выполнять общественные функции, ранее предоставленные исключительно избранным меньшинствам и перестают «быть послушными этим самым меньшинствам: они не повинуются им, не следуют за ними, не уважают их, а, наоборот, отстраняют и вытесняют их» [51, с. 5]. Следует понимать, что любая идея не возникает спонтанно, а в ее основе лежат необходимые условия, которые с течением времени начинают переводить мысли пассионариев, радикалов различных политических взглядов в материализованные формы.

Во-вторых, на второй стадии предреволюционной ситуации в современном мире особое место начинает занимать социальное неравенство, репродуцирующее в условиях декларируемого политического равенства зависть одних групп населения к другим. Здесь полезно было бы вспомнить Аристотеля, который в «Политике» писал о необходимости принятия законов, препятствующих чрезмерному обогащению узкой группы лиц и необходимости роста «среднего класса», который,

с рядом оговорок является одним из оснований обеспечения позитивной политической нестабильности; а также известную работу Р. Даля [13].

Пролонгация предреволюционной ситуации в предреволюционный период может быть связана с регулированием уровня депривации – осознаваемого разрыва между притязаниями и возможностями их удовлетворения. Притязания формируются в процессе сравнения текущей ситуации с представлением о «норме» ограничений, на которую, в свою очередь, влияют исторические, социальные и манипуляторные факторы, позволяющие сюрреализовать политическую реальность и купировать «выброс» негативной энергии большей части населения.

В–третьих, в современных условиях сдерживание революции достигается, ни сколько физическим устранением протестных слоев общества, а в первую очередь, замедлением темпа развития социума, генерализацией патернализма и патримониализма, возвратом к примордиальным ценностям, а также поиском врагов во внутристрановом пространстве и развязыванием войн. В последних случаях, применяется так называемая технология «встречного пала», используемая при пожаротушениях. В огне внешних войн и внутренних «зачисток» первыми погибают, как правило, романтики или те, кому нечего терять, то есть потенциальная социальная база революционной трансформации. В этом плане актуально звучат слова Дж. Карлина: «Война – это способ богатых людей защитить свои интересы, посылая детей среднего и бедного классов на смерть».

В четвертых, при рассмотрении формирования предреволюционной ситуации следует учесть и такие факторы как «**внешнеполитическое влияние**» и «**циклы развития общества**».

Внешнеполитическое влияние способно играть важную роль на всех стадиях развития предреволюционной и революционной ситуаций, но его степень может преувеличиваться с целью скрыть неэффективность государственного регулирования, витализировать патримониализм, создать образ внешнего врага и консолидировать население вокруг государства. Так, проф. А. В. Манойло в статье «Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов» определяет «цветные революции» как технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которой давление на государство осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве его инструмента молодежного протестного движения [42].

Абсолютизация внешнеполитического фактора препятствует научному пониманию процесса возникновения революций, необоснованно нуллифицирует роль государства в хаотизации социальных отношений и формировании революционной ситуации. Более того, в стабильно развивающихся полициях внешний фактор играет в большей мере положительную (эволюционную) роль, способствуя повышению адаптивного потенциала политической системы. В последнем случае, уместно было бы сослаться на эволюционную теорию Ч. Дарвина, сущность которой в политологической интерпретации раскрывается в том, что в результате конфликтных отношений между государствами: а) формируются

новые институционально–функциональные механизмы их существования; б) осуществляется некротизация архаичных политических институтов и ценностей, ранее используемых в политической практике; в) сохраняются и совершенствуются ранее функционировавшие эффективные механизмы межгосударственных взаимоотношений. То есть, чем больше неравновесность межгосударственной конструкции, тем интенсивнее вырабатываются механизмы устойчивости к неблагоприятным факторам внутренней и внешней среды, варибельному пространству. **Единственным условием для сохранения позитивной политической нестабильности является мобильность меж – и внутристрановой среды, обеспечиваемая взаимодействием между субъектами различных уровней политики.**

К месту **циклов развития** в репродукции революций следует отнести не менее осторожно, чем к влиянию внешнего фактора, так называемому импорту революций. Вопрос о гибкости, варибельности системы, в данном случае не может являться второстепенным. В данном случае, с известной осторожностью и умеренностью следует согласиться с Л. Д. Троцким, который критикуя Н. Д. Кондратьева, придает кратологическому императиву основное место в вопросе происхождения революции [65]. Действительно, трансформации могут происходить в различных сферах общественной жизни, но при этом они могут и не вести к коренной ломке политической системы. В данном случае важным становится социокультурный фактор, способность элиты и населения реагировать на происходящие процессы, принимать адекватные сложившейся ситуации решения, включая выстраивание институциональной среды, способствующей формированию «хорошего» эквilibriumа. Заметим, что северокорейский тоталитаризм не ведет к революционной ситуации в стране. Не менее важны и разные темпы созревания кризиса в странах, в которых обнаруживается нарушение симметрии в отношениях «гражданин–гражданское общество – государство». Например, конфликт в постсоветских странах, в частности России, Белоруссии, Узбекистане, Таджикистане и других в настоящее время находится в состоянии ремиссии, но очевидно, что политики перечисленных постсоветских стран испытывают внутренние и внешние нагрузки, удачно купируемые «государствами» витализацией ресентимента, эффективным управлением депривацией и другими инструментами, включая силовые и манипуляторные.

Обращаясь к анализу **государственных переворотов, реформ / контрреформ** сделаем одно важное замечание, в равной степени обращенное к революциям и, восходящее к основному закону мироздания: а) каждая система стремится к равновесию; б) процесс поиска равновесия позволяет системе развиваться; в) система, достигшая равновесия и не перешедшая на новый уровень неравновесности, прекращает развитие и становится паразитирующей системой. То есть, из закона мироздания следует, что государственные перевороты, реформы / контрреформы (а также революции) представляют собой попытку обеспечения равновесности системы.

Исходя из того, что государственный переворот представляет собой «заговор элит» против существующего

государства, его происхождение прямо связано с разбалансированностью властного и экономического потенциалов государства и элит: элиты, в независимости от того, являются ли они фактическими, либо условными держателями собственности, закономерно стремятся защитить имеющиеся ресурсы с помощью политических институтов (поиск равновесия), если государство не предоставляет им такую возможность, оно вынуждает их использовать «чрезвычайную меру», нейтрализуя «паразита».

Как было замечено выше, государственные перевороты, как и революции, характерны для персонифицированных или государственных систем, обладающих примитивной структурой и не имеющих возможности удовлетворить политический интерес соответствующих групп элиты.

Обеспечение равновесия в персонифицированных социумах может осуществляться двумя основными способами. Первый способ заключается в обеспечении равновесности системы «государство–элиты» и проявляется в подкупе наиболее могущественных элитных кланов, предоставлении им особых условий деятельности, кооптации их представителей в околосударственное пространство, предоставлении элитам права изъятия у населения административной ренты в качестве платы за «службу» персоне–государству, репродукции межэлитных конфликтов, ослабляющих кланы и т.п.

Второй способ предполагает не просто ослабление и контроль за элитами, а недоинституционализацию социально–политической системы в целом. В данном случае речь идет о подавлении государством проявлений любых форм гражданственности, поддержании социальной системы на доклассовом уровне [25]. Сохранение подданнической культуры населения и элит, сословной организации общества, позволяют поддерживать сакральный статус суверена и осуществлять селекцию слабо организованных звеньев социальной системы, а в определенных случаях, заручаться поддержкой народа в устранении потенциальных оппонентов.

Вместе с тем, если суверену не удалось предотвратить государственный переворот, и последний случился, то это не всегда означает ломку системы. Последняя может продолжить развитие, как по традиционной траектории, так и может изменить вектор развития. Реализация либо первого, либо второго варианта прямо связана с ценностными установками представителями нового государства, степенью их открытости обществу; стремлением и возможностью общества контролировать государство; влиянием внешних игроков на внутристрановой политический процесс.

Реформы / контрреформы, также являясь видом негативной политической нестабильности, имеют общую с государственными переворотами природу. Опираясь на «общественный интерес», они также осуществляются государством, в известной степени проявляя вариативность: в одних случаях, реформы / контрреформы ведут к трансформации системы, улучшению качества жизни различных групп населения; в других – выступают инструментом сохранения сложившейся системы и зачистки государством «оппозиции»; в третьих – становятся важным элементом в революционной трансформации.

В определенном смысле, следует отметить, что все виды негативной политической нестабильности имеют

общую природу, каждый из них, по сути, революционен и представляет собой стресс для социального организма; а его последствия мало предсказуемы и зависимы, в первую очередь, от соответствия этико–культурных представлений индивидуумов демократическим и постдемократическим ценностям.

II

Россия – страна с негативной политической нестабильностью. В России состоялось несколько революций, «государственных» переворотов и попыток их осуществления, на всем протяжении политической истории российские самодержцы осуществляли реформы / контрреформы, в позитивистско–идеалистическом ключе, предполагающие догоняющую модернизацию, в негативистско–прагматическом, соответствующем «Русской власти» – подавление наиболее оппозиционных акторов и укрепление моноцентризма.

1. Россия – страна революций

В 1905 году в России произошла **первая буржуазная революция**, которая продемонстрировала невозможность эволюционной трансформации существующей в стране политической системы. Причинами революции, историки называют ряд факторов: нерешенность аграрного вопроса, ухудшение положения пролетариата, кризис в системе «Центр–провинция», кризис «верхов», которые дополнились внешним фактором. В соответствии с предлагаемой нами гомеостатической концепцией развития процессов негативной политической нестабильности, причины революции 1905 года связаны со всеприсутствием и всевластием Российского «государства», политической подавленностью индивидов и их союзов.

При анализе причин революции 1905–1907 годов очевидным становится изначально бесправие крестьянства и рабочего класса, ничтожные возможности буржуазии, обладавшей крупным капиталом влиять на политический процесс. Так, крестьянство, составлявшее к началу революции 1905 года 80% всего населения России [Крестьяне и рабочие ...] *de facto* не имело политических прав, а формируемые «хлебопашцами» представительные органы, в конечном итоге, выполняли по отношению к последним надзорную и контрольную функции. До 1903 года на крестьян не распространялся суд присяжных, сохранялись телесные наказания и местные сословные суды.

Крестьяне не рассматривались как собственники земель сельхоз назначения и, к началу XX века, в их структуре доминировала деревенская беднота – около 50%, среднее крестьянство – 30%, зажиточное – 20%¹. Треть крестьянских дворов была безлошадной, а треть имела одну лошадь. Крайним проявлением бедности было отсутствие коровы – такие хозяйства составляли до 10% крестьянских дворов. Несмотря на то, что в начале XX века ситуация, по мнению проф. Б. Н. Миронова, начала меняться в лучшую сторону [47], по объективным причинам она не могла существенно отличаться от той, которую описывали в конце XIX века П. Е. Пудовиков, Л. Н. Толстой и А. Н. Энгельгардт, указывая на то, что крестьяне являлись не более чем ресурсом для государства [57; 74; 64].

В не лучшем положении находились рабочие, составлявшие около 10% населения. Политическое

¹ По некоторым данным – от 3 до 15 процентов [1].

положение рабочего класса демонстрирует выдержка из петиции царю 9 января 1905 года государства [55], а также решения земств [50, с. 4]. Бесправное положение рабочих определяло и их социально-экономический уровень жизни – практически все рабочие относились к категории «беднота».

Одним из малочисленных сословий к концу XIX века являлись дворяне. Составляя не более 1,5% от общего числа населения, они занимали ведущие позиции в системе «государственного» управления. Потомственные дворяне составляли 70% чиновников гражданских ведомств. К началу XX века из их среды вышло 90% генералов, 75% полковников, 50% всего офицерского состава [60]. К ним примыкало духовенство, насчитывавшее 111 тысяч священников и, в рамках «симфонии властей», выступавшее одним из инструментов сохранения самодержавия.

По данным министерства финансов России в 1909–1910 годах только 700 тысяч из 160 миллионов могли рассматриваться как зажиточные. Не внушало политической стабильности и общее состояние экономики – уже в 1914 году бюджет был сведен с 50%–м дефицитом, а в 1917 году дефицит достиг 80%, государственный долг вырос с 10 млрд. руб. в 1914 до 55 млрд. руб. к 1918 году; к 1 января 1917 года рубль стоил 37 довоенных копеек, а к 1 января 1918 года упал до 4. Война привела к истощению всех ресурсов, включая людские [52, с. 134]. Таким образом, к началу революции 1905 года государство представляло собой выходцев из дворянской среды, а *de facto* монарха и его ближайшее окружение, которые не могли обеспечить принятие сбалансированных и адекватных складывающейся ситуации решений.

В самодержавной системе отсутствовала возможность различных групп общества к самостоятельному формированию объединений при создании соответствующих каналов коммуникации с «государством». Временные правила об обществах и союзах, провозглашенные Манифестом 17 октября 1905 года декларировали свободу союзов, сохраняя «по существу в полной мере ту систему опеки и бесконтрольного правительственного надзора, которая царил... до сих пор» [21]. Замена разрешительного порядка образования обществ явочным, не представлялась последовательной: заявления о регистрации объединения могло не получить удовлетворения, в регистрации устава правительство могло отказать. В целом, правительство всемерно тормозило либерализацию закона об обществах, сохраняя за собой право контролировать создание любого политического объединения, как и закрыть политическую организацию, покушающуюся на самодержавное правление [66].

Народное недовольство подавлялось полицейским террором, присылкой войск, что приводило к консолидации части политически слабых акторов и созданию широкого спектра политических кружков, а, в дальнейшем, и политических партий. От безысходности, государь и его «учреждения» шли на опасные эксперименты – создавали организации рабочих, ставя их под свой контроль. К началу XX века в России насчитывалось свыше 100 политических партий, из которых 50 были крупными, имели общероссийский характер, остальные – национальный; однако, насколько они были влиятельны и насколько могли оказывать воздействие на процесс

принятия «государством» политических решений сказать сложно, по крайней мере, по данному вопросу в научных кругах России ведутся дискуссии [48, с. 147; 67, с. 311]. Представляется, что в оценке отношений между государством и гражданским обществом в России начала XX века, ближе к истине исследователи, оценивающие данные отношения как неудовлетворительные, ставящие общественные объединения в зависимость от государства (См., например: [68]).

Первая русская революция, способствовала росту числа радикальных политических партий, которые не получили поддержку со стороны буржуазии; вместе с тем, она предоставила «низам» ряд политических прав и свобод, в частности, право на участие в формировании представительной законосовещательной Государственной Думы, создание профсоюзных объединений, которые фактически выступали политическими клубами.

В результате буржуазно-демократической революции рабочие получили широкие политические права и свободы. В частности Декретом «О собраниях и союзах» устанавливалось право всех граждан без ограничений образовывать союзы и проводить собрания. Никаких политических мотивов для закрытия союзов не существовало, закрыть союз мог только суд. Однако, в результате установления в России двоевластия – с одной стороны, Временное правительство («власть без силы»), с другой – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов («сила без власти»), гражданские акторы не только не могли эффективно функционировать, но и сами выступали очагами напряжения. Корниловский мятеж вызвал большевизацию Советов, за которой последовало **вооруженное восстание – Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года**, так и не изменившее качественно политическую систему самодержавной России. Как писал Н. А. Бердяев: «При поверхностном взгляде кажется, что в России произошел небывалый по радикализму переворот. <...> Многое старое, давно знакомое является лишь в новом обличье» [6].

С началом перестройки в России началась **мирная «революция»** – переход от советской системы политических отношений к современной. Ее первой особенностью явилось то, что она осуществлялась «сверху» в условиях системного кризиса в СССР и нормализации отношений с западными странами; второй – способность патерналистски ориентированного населения перенять лишь стандарты потребления стран «старой» демократии, а не их институциональный дизайн, формы социальной коммуникации и политические практики общежития.

Опуская рассмотрение причин, приведших к краху советской системы в российском обществе [2; 16; 18; 49; 77; и др.], отметим их родство с теми, которые легли в основу краха самодержавия. Так, советская политическая система, как и царистская, строилась на полном подчинении граждан-подданных «государству», при этом декларировались широкие права и свободы индивидуумов в границах, установленной «государственной» идеологией и советским правом. Моноцентрический характер советской политической системы, сводящийся, *de jure* к руководящей роли КПСС, а *de facto* Генерального секретаря ЦК КПСС; регламентация деятельности *Homo soveticus* идеологическими рамками, лишаящими его контроля за сувереном, приводила к витализации

и укреплению в обществе традиционных для него патерналистских установок, атрибутов монархизма с «советским лицом». Инакомыслие и любое неподчинение «государству» наказывались. Генеральный Секретарь ЦК КПСС и действовавшие при нем «учреждения» держали социум и его активную часть в напряжении, возбуждали страх и мнительность у потенциальных оппозиционеров, наказывали неугодных [23]. Запрету подверглись и организации граждан. В этом плане актуальными для марксистско–ленинской идеологии были слова В. И. Ленина: «свобода печати в РСФСР... есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров <...> Дать ей еще такое оружие, как свобода политической организации <...> значит облегчить дело врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и поэтому этого не сделаем» [40, с. 79]. При этом в СССР, прекрасно понимали роль общественных объединений в консолидации общества и тотальном контроле за ним, укрепляли не только КПСС, но и по самодержавному образцу развивали существующие и создавали новые, но подотчетные суверену и его «учреждениям» объединения – профсоюзные, комсомольские, кооперативные, женские, спортивные, художественные, атеистические и другие организации. Их вектор был направлен в сторону формирования установки «на полное подчинение «государству»», а они сами являлись «приводными ремнями», «рычагами», с помощью которых Левиафан контролировал общество, каждого индивида.

Противопоставляя себя обществу и его институтам, запрещая их функционирование, «государство» лишило себя возможности выстроить систему обратной связи с населением, что привело к нарушению равновесия в советской системе и ее последующему краху. Впрочем, «хорошего» эквилибриума в советской, как и царистской системе не существовало, а равновесие носило искусственный характер, основываясь на факторе силы и других инструментах подавления политической воли населения.

2. Россия страна государственных (дворцовых) переворотов

Государственных переворотов и попыток их осуществления в России насчитывается не менее десятка. Все они демонстрируют византийско–ордынский характер российской государственности, заключенный в принципе – «кто сильнее, тот и прав» или «прав тот, у кого больше прав», а прав больше у того кто сильнее. Данная система крайне неустойчива, потому что традиционно построена на обособлении «государства» от других политических акторов, *zero-sum game*.

Один из первых «государственных» переворотов был совершен **Борисом Годуновым**, свидетелем убийства Иваном IV Грозным старшего сына Ивана. Убийство способствовало сближению царской династии с никому не известным оруженосцем, который не только в течение нескольких лет смог стать боярином, но и после смерти Ивана IV Грозного – одним из опекунов царевича Федора а, после устранения ключевых оппонентов и смерти Федора, фактическим государем.

С большей долей уверенности как «государственный» переворот можно рассматривать **свержение Фёдора II Годунова** – сына Бориса Годунова. Слабым местом Федора II Годунова было то, что его отец получил

«государственную» власть на Земском соборе, а не по наследству, что подрывало его легитимность [22]. Положение усугублялось неурожаями, вызвавшими голод.

Слабая легитимность Федора II Годунова и голод привели к «чудодейственному спасению царевича Дмитрия» в облике беглого монаха **Григория Отрепьева**, который с помощью популистских практик заручился поддержкой поляков и части будущих подданных. Смерть Бориса Годунова содействовала укреплению позиций самозванца, а организационные просчеты ближайшего окружения Федора II привели к расколу политической элиты. Они же явились важнейшими факторами, способствующими воцарению Лжедмитрия – «истинного царя». Федор II, представлявший угрозу Лжедмитрию, вместе с Ириной Годуновой были убиты, а народу сообщили, что царь Фёдор и царица Мария отравились. Свержение Фёдора II стало первым актом Смутного времени.

Следующий переворот связан с именем **Василия Шуйского**, который неоднократно претендовал на российский престол. Одна из таких попыток была удачной. В значительной мере перевороту способствовали «вольности» Лжедмитрия I: он не чтит обычаи, демонстрировал независимость от бояр, нередко обличая их в невежестве, покровительствовал католикам и лютеранам. Терпение бояр переполнила женитьба самозванца на польской княжне Марине Мишк. На свадьбу прибыло множество знатных поляков, желавших занять при царе высокое место и потеснить родовое боярство. Свадебные пиры, непристойное поведение пьяных поляков, вызывавшее возмущение москвичей, и всеобщее недовольство тем, что русской царицей стала католичка, были сочтены заговорщиками самым подходящим временем для выступления. В результате Лжедмитрий был убит, а Василий Шуйский был провозглашен новым царем.

Вместе с тем, невиданные уступки царя боярам, многочисленные сторонники «царя Дмитрия», распространявшие слухи об его спасении привели к появлению **Лжедмитрия II**, вокруг которого начали объединяться противники Василия Шуйского. В стране создалось двоевластие: одни города (на северо–востоке) сохранили верность царю Василию, другие (на юго–западе) – подчинялись самозванцу. В ходе российско–польского сражения при Клушино русская армия потерпела поражение, что привело к свержению царя Василия Шуйского.

Лжедмитрий II, взшедший на трон после Василия Шуйского был убит. Попытка посадить на царский трон его сына оказалась неудачной, а сам «Ворёнок» был повешен. На престол взшел Михаил Романов.

Воцарению **Михаила Романова** также предшествовал переворот 1614 года. В данном вопросе следует сослаться на военного историка А. Б. Широкограда, который замечая, что фактически «... в феврале 1613 года произошел государственный переворот – воровские казаки силой поставили царем Михаила Романова», ссылается на совпадающие в деталях ответы стольника И. Чепчугова, дворян Н. Пушкина и Ф. Дурова, попавших в 1614 году в плен к шведам и допрашиваемых в отдельности; а также на донос шведского разведчика от 13 апреля 1613 года [73].

В 1682 году уже **Боярская дума** осуществила попытку переворота, настаивая на воцарении малолетнего

Петра, а не старшего Ивана¹, который в соответствии с действовавшей традицией должен был занять престол после смерти старшего брата Фёдора Алексеевича. В результате бунта в России венчали на царство обоих – Ивана и Петра. Малолетние монархи являлись держателями символической «государственной власти», а государевы функции осуществляла регентша – царевна Софья Алексеевна, опиравшаяся на клан Милославских, а также на фаворитов В. В. Голицина и Ф. Л. Шакловитого. Правление Софьи Алексеевны длилось до 1689 года, когда Петр, опасаясь за свою жизнь с помощью «потешных полков» и нейтралитета большей части стрельцов взял в свои руки всю полноту «государственной власти».

Но уже менее чем через 10 лет, была предпринята попытка очередного переворота – на трон предприняла попытку вновь взойти **Софья Алексеевна**. Попытка переворота была неудачной – восставшие стрельцы были разгромлены гвардией и дворянской конницей. Следует заметить, что среди историков существует мнение, что попытка осуществления «государственного» переворота Софьей Алексеевной была продиктована «подменой» Петра I, то есть все тем же переворотом [72].

Кстати, именно Петр I, сыграл важную роль в формировании условий для «государственных» переворотов. Изданный им Устав о наследии престола [Устав о наследии престола], с политической стороны, означал, что престол мог занять любой человек, даже не имеющий прямого отношения к правящей династии, что в дальнейшем и произошло, в случае с Екатериной II. Кроме того, Петр I сделал важным актором политической и «государственной» жизни гвардию, сравнимую разве что с турецкими янычарами, свергавшими султанов за кошелёк золота.

Своеобразный «государственный» переворот совершила **Анна Иоанновна**. Приглашенная на царский престол на условиях подписания Кондиций, лишивших ее фактической власти, уже после коронации она разорвала последние и при поддержке гвардии и части дворянства была провозглашена самодержавной императрицей.

За прусофильство был наказан **Пётр III**. Открыто действуя в интересах Пруссии, питая идею вернуть захваченную Данией часть Голштинского герцогства, вступая в конфликт с Екатериной II, он настроил против себя российский политический класс – сенаторов, военных, вельмож, придворных, гвардейцев и, в результате был вынужден подписать отречение от престола, ставшее для него смертным приговором.

Александр I взошел на престол в результате убийства своего отца Павла I. Подчеркивая, что убийство Павла I стало делом обывающим, Ю. В. Пуздрач замечает: «Павел I погиб под ударами придворной и гвардейской верхушки, раздраженной не только его личным самодурством, но и порывистыми проявлениями его власти в делах внутренней и внешней политики, которые грозили серьезной опасностью существующим интересам господствующего класса» [58, с. 249].

Неудачной попыткой совершения дворцового переворота явилось восстание **декабристов 1825 года**. Как известно, кроме крестьянского вопроса, декабристы подняли вопрос коренного переустройства

«государственной» системы России: Северное общество выступило за установление конституционной монархии и федерацию, Южное – за республику якобинского типа с сильной и централизованной административной властью. При большей решительности гвардии и высших офицеров декабрьское восстание могло закончиться удачно.

Провал декабрьского восстания на некоторое время остановил череду государевых переворотов, что очевидно было связано с началом либеральных реформ Александра I, но и они во многом оказались декорацией и осуществлялись лишь в пространстве «манежей и баллов», что привело менее чем через столетие к буржуазно-демократической революции.

Следующие «государственные» перевороты следует искать уже в советском прошлом. Вождь мирового пролетариата **В. И. Ленин** был отстранен от управления Генеральным секретарем ВКП (б) **И. В. Сталиным**, который к XII съезду партии стал фактическим государем, о чем свидетельствует игнорирование делегатами съезда настоятельных рекомендаций В. И. Ленина о замене И. В. Сталина «более лояльным», менее грубым человеком. XII съезд партии, состоявшийся в апреле 1923 года, порекомендовал И. В. Сталину лишь учесть критические замечания «тов. Ленина». Кроме того, старые соратники «нового вождя» были также выведены из политической игры, что в идейно-организационном плане может рассматриваться как «государственный» переворот, растянутый во времени².

В контекст исторического анализа «государственных» переворотов в России органично вписывается версия убийства и самого **И. В. Сталина**, разделяемая рядом исследователей советского периода. Доктор медицинских наук С. С. Миронин³ приводит убедительные факты убийства И. В. Сталина и, опираясь на результаты медицинских исследований, заключает: «... имеются данные, позволяющие заподозрить, что Сталин был отравлен» [46, с. 37].

Генеральный секретарь ЦК КПСС **Н. С. Хрущев** в процессе укрепления политического статуса «пережил» 4 этапа – от триумvirата – Берия, Маленков, Хрущев (март–июнь 1953 г.) до единоличного лидерства (июнь 1957 – октябрь 1964 г.) [17], лишившись «государственной» власти в результате «**брежневского**» переворота. Собственно «брежневским» переворот 1964 года назван условно, так как «самодержец» сформировал вокруг себя среду, не оставившую ему шансов сохранить должность. Сам же Л. И. Брежнев оказался подходящей фигурой: «Вопрос об избрании Брежнева Первым секретарем ЦК партии твердо предreshен не был, но сам ход событий двигался именно в его сторону. Страна устала от бесшабашных хрущевских шатаний. Партийный аппарат, сверху донизу, молчаливо негодовал по поводу бесконечных и непродуманных перемен. Народ был озлоблен неожиданными нехватками продовольствия. Время настоятельно требовало спокойного и осмысленного руководителя. В этом смысле Брежнев устраивал всех» [8].

² Технологию сталинизации и укрепления сталинской самодержавной системы описывает Дж. М. Истер в научном исследовании «Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России» [20].

³ Миронин С. С. – псевдоним.

¹ Петру на данный период исполнилось 10 лет, Иван был на 5 лет его старше.

«Государственные» перевороты произошли в августе 1991 и в октябре 1993 года, воспроизведя в *summa summarum* «мирную революцию» в России. переворот августа 1991 года явился неудачной попыткой противостояния «контрреволюции» (по Г. А. Зюганову), попыткой сохранения СССР. Причины ГКЧП озвучил на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года В. А. Крючков [29, с. 37–39], не увидев в нарастающем хаосе основную причину – моноцентризм советской политической системы, отсутствие политического плюрализма, подданство советских «граждан».

Переворот октября 1993 года привел к ликвидации системы советов. Его предтечей стало бескомпромиссное противостояние «верховников» и первого российского президента Б. Н. Ельцина, а результатом – до 200 человек убитых в Останкино, около 1500 человек убитых у «Белого дома» [19, с. 250–253] и укрепление суперпрезидентализма, традиционного для российской политической практики.

В 1998–1999 годах, в условиях физической слабости Б. Н. Ельцина, начал созревать новый «государственный» переворот, закончившийся «воцарением» В. В. Путина. По причине закрытости «властной корпорации», доказать появление В. В. Путина в высших эшелонах «государственной власти» в результате переворота невозможно, но несколько фактов указывают на вероятность такого события. Во-первых, досрочная отставка харизматического «Царя Бориса»: как известно, от власти просто так никто не отказывается, особенно если речь идет о власти самодержавной. Во-вторых, выведение из *Big Game* могущественной группы Лужкова–Примакова, в одночасье сдавшей властные позиции. В-третьих, консолидация идеологически разнородных групп – «коммунистов» и «демократов–консерваторов» в «нижней» палате российского парламента. Отстранение «регионалов» и консолидация «оппозиции» с провластным большинством, по известным причинам становится возможной только в случае появления третьей силы, демонстрирующей превосходящий властный потенциал. В-четвертых, становление милитократической системы [28, с. 61–62]. Следует полагать, что В. В. Путин и его окружение смогли поставить Б. Н. Ельцину условия, от которых он не мог отказаться. Во всяком случае, данное предположение было бы логично, и сегодня, появляются материалы по данной проблеме в пользу вышеизложенной версии [78].

3. Россия – страна реформ / контрреформ

И несколько слов о российских реформах / контрреформах, которыми насыщена российская политическая история. Как указывалось выше, в кратологическом аспекте «реформирование» позволяет самодержцам дистанцироваться от предшественников и «старой» бюрократии; избежать отождествления ошибок предыдущего авторитарного правления с «новым курсом»; поддерживать оптимальную степень напряжения социальной конструкции, сформировав в социуме чувство неопределенности, порождающее страх и заставляющее управляемых проявлять лояльность; с помощью реформ / контрреформ, меняются приоритеты «развития» и подавляются социальные акторы, способные противостоять самодержавной системе. Реформы / контрреформы, как правило, ориентированы на интересы государства и подавление активности социума.

Разделяя шкалу «реформы–контрреформы», предложенную проф. В. И. Пантиным [53, с. 26], обратимся непосредственно к российским реформам / контрреформам с позиции изложенной теории.

Реформы Николая I были спровоцированы восстанием 12 декабря 1825 года. *В первые дни своего царствования он говорил французскому посланнику: «Я начинаю царствование, повторяю вам, под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут, слишком много; но с вожжаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады... Я буду непреклонен, я обязан дать этот урок России и Европе. Но не устану вам повторять: сердце мое раздирается и у меня постоянно перед глазами ужасное зрелище, ознаменовавшее день моего вступления на престол»* (Цит. по: [3]). *Что с подвигло декабристов на восстание, привело к реформам Николая I и каковы результаты реформирования?*

Причина декабрьского восстания и последовавших за ним реформ системная – самодержавие, сословность, жесткая стратификация общества, отсутствие возможности у новых «центров власти» – групп в дворянской среде, влиять на политику суверен–государства. Последствия восстания – традиционные: Николай I жестоко расправился с декабристами как альтернативной группой, возникшей в недрах российского общества; последствия реформ – закономерные: укрепление самодержавного порядка, усиление военизации, централизации и бюрократизации системы, борьба с инакомыслящими. Вместе с тем, самодержцу пришлось счесть справедливым ряд требований революционеров (но это уже были его требования к системе!), в первую очередь, обратившись к проблеме крепостничества. Но и здесь результат был предопределен – «общественная запашка» породила «картофельные бунты», а возможность улучшения благосостояния крестьян привела к недовольству помещиков. Реформа закончилась словами Николая I в Государственном совете: «Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для всех ошутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным» [59].

Несмотря на то, что Александр II приступил к буржуазным реформам, его действия, как и предполагает «Русская власть», были непоследовательны и половинчатыми, проводились медленно [15, с. 105], принятие ключевых решений оставалось за самодержцем, который в режиме «ручного управления» приспосабливал реформенный государев аппарат к новым социально–экономическим условиям, лавируя между «старым» и «новым» сословиями. То немногое, что довел Александр II до конца, была отмена крепостного права, причем созревшая «снизу». Выступая в 1856 году перед московским дворянством, царь во весь голос заявил о необходимости упразднить крепостничество: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу» (Цит. по: [26]). Но отмена крепостного права сделало крестьян лишь условно свободными, не позволив им реально влиять ни на политический, ни на экономический процессы; а сложившаяся после отмены крепостного права ситуация не устраивала ни помещиков, теряющих бесплатную рабочую силу; ни крестьян, вынужденных долгие годы платить выкуп.

Воцарение Александра III началось с убийства Александра II. Потрясенный убийством отца, самодержец провозгласил незыблемость самодержавия и устранил надежды демократически ориентированной части общества на установление конституционной монархии. Контрреформы заморозили революционную ситуацию в стране, подавив протестную активность и погрузив социум в состояние глубокого анабиоза.

Первые годы правления **Николая II** также были связаны с репрессиями, активным использованием полиции и жандармерии в подавлении противников царизма, распространенным введением «исключительных» положений и внесудебных форм расправы. Однако под давлением буржуазии и пролетариата самодержец пошел на реформу «государства» и издал Указ о формировании Государственной Думы, которая, в случае удовлетворения интересов крестьянства, пролетариата, буржуазии, в значительной степени могла способствовать переходу на путь эволюционной трансформации российской политики. Вместе с тем, формирование государственных Дум всех четырех созывов проходило под полным контролем суверена [12, с. 189; 31, с. 166; 45, с. 172; 54, с. 57], а их деятельность корректировалась Общим собранием Государственного совета, состоявшего преимущественно из назначенцев царя.

Конституирование Советского государства осуществлялось методами террора, что приводило к отрицанию новым политическим классом демократического правления. Большевики прекрасно понимали в прямом смысле бесценность человеческой жизни, в том числе жизни собственной, поэтому разговоры о свободе стали бессмысленны вплоть до «хрущевской оттепели», но и после нее, не произошло качественного изменения – физический террор сменился психологическим и административным, «государство» подавляло любые зачатки гражданственности, таким образом, сохраняя примитивную структуру социума и вождистский персонифицированный характер политики.

Брежневский «застой» в значительной степени был определен случайным нахождением нового советского лидера, формированием коллегиального центра принятия решений в составе бывших «заговорщиков». В «застойный» период, во второй половине 1960–х годов, были предприняты так называемые «косыгинские реформы», представлявшие собой попытку соединения «государственной» организации социальной жизни с рынком, отход от коммунистического доктринерства, поиск практического синтеза «государственных» и частных интересов. Косыгинские реформы носили половинчатый характер и закономерно закончились «контрреформами», смещением части «демократически» ориентированной элиты с занимаемых постов.

Реформы М. С. Горбачева – «перестройка», рассматриваемые некоторыми исследователями в границах конспирологического дискурса как первый этап контрреволюции, несмотря на декларируемую глубину трансформации, также были условны. Генеральный секретарь ЦК КПСС не предполагал, что процесс коррекции социалистического пути развития приведет к настолько быстрому разложению системы, которая уже к середине 60–х начала давать сбои. Демократизация советской политической системы привела к появлению в стране новых центров властвования, которые, стремясь

к самостоятельности, выступили против советского самодержца. Советский Союз, утратив идеологический стержень, прекратил существование, показав, что попытки реального реформирования системы носят внесистемный характер.

Последовавшие конституционные реформы «царя Бориса» привели к «институциональной трансформации» российской политики, которая утратила советские черты, но укрепила традиционную базовую «матрицу», воспроизводящую самодержавного властителя – президента и, действующие при нем недоинституционализованные «учреждения». Конституционные компиляции привели к установлению в стране нового политического дизайна, внешне напоминающего западный, но лишенного внутреннего наполнения в виде демократической традиции и практики, что вызвало аномийное состояние российской политики, сопровождавшее революционный / контрреволюционный процесс. Недаром оценивая реформы М. С. Горбачева Л. Ф. Шевцова пишет, о разрушении архитектором перестройки «русской цивилизационной модели как альтернативе либеральной демократии», а Г. А. Сатаров, рассматривает «перестройку» как событие со всеми закономерностями революции [61]. Очевидно, что в сравнении реформы и революции обнаруживается их онтологическое родство.

Путинский контрреформизм – от неэффективной демократии к неэффективному авторитаризму (по Г. А. Сатарову) в значительной мере обусловлен антиэлицинским заговором «силовиков», спецификой профессиональной деятельности творца «вертикали власти», опасавшегося внутренних и внешних угроз и тяготеющего к авторитарным практикам с целью компенсации собственного пралидерского положения и ослабления альтернативных центров влияния.

Таким образом, на протяжении всего периода развития, пусть и немногочисленные социальные группы российского социума не имели возможности обеспечить представительство на уровне «государства» – во все времена самодержавная система была ориентирована на сохранение контроля за обществом, его селективное, подавление «очагов напряжения», а *de facto*, «точек развития»; но не на поиск компромиссных и консенсусных решений, не на служение социуму. Бескомпромиссность «государства», ориентированного на репрессии, приводила как к недоинституционализации «гражданского общества», так и самого «государства», до сих пор сохранившего черты вождя в первобытно–общинном племени.

Любой социум находится в состоянии политической нестабильности. Последняя объясняется онтологией «власти», борьбой различных социальных групп и отдельных индивидуумов друг с другом за ограниченные ресурсы. Обеспечение социальной стабильности (позитивной политической нестабильности) прямо связано со сложностью структурной организации социума и с качеством системы горизонтальных связей между его элементами и различными звеньями и, в первую очередь, с качеством коммуникации в системе «государство–граждане–гражданское общество». Чем сложнее социальная структура социума и развитее горизонтальные связи, обеспечивающие ее целостность, тем в большей мере общество обнаруживает склонность

к позитивной политической нестабильности, ее элементы характеризуются большим адаптивным потенциалом и меньшим стремлением к использованию репрессивных практик; и, наоборот, чем примитивнее социальная структура общества и не развитие горизонтальные связи между ее отдельными элементами и системами, тем неминуемое развитие общества оказывается в границах зоны «негативная политическая нестабильность», процесс функционирования общества насыщается революциями, государственными переворотами, реформами / контрреформами.

Общества последнего типа, характеризует слабая восприимчивость к сигналам из внешней среды, склонность «государства» и населения к насильственным действиям, бескомпромиссность политической борьбы, как правило, заканчивающейся физическим устранением слабого игрока.

Концентрация государственной власти у единственного субъекта политической системы – государства, и отсутствие рычагов влияния на процессы распределения у «civil society» приводит к нарушению гомеостаза внутренней среды социума и перманентным низложениям суверена либо путем революции, либо путем государственных переворотов. Вместе с тем, нередко самодержцам, используя реформы / контрреформы, удается купировать негативную энергию масс и нейтрализовать политических оппонентов; но данные акты также в известной мере блокируют линейность развития общества.

Цель исследования достигнута, гипотеза – подтверждена.

Список использованных источников

- 1905 год – Первая русская революция [Электронный ресурс] // URL: <http://www.great-country.ru/content/letopis/1905.php>.
- Алексеев В. В., Нефедов С. А. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма // ОНС: Общественные науки и современность, 2002. – №6. – С.66–77.
- Анисимов Е. В. Императорская Россия. – СПб.: Питер, 2011. – 670 с. [Электронный ресурс] // URL: http://www.nnre.ru/istorija/imperatorskaja_rossija/p6.php.
- Бабашкин В. В. Русская революция в контексте крестьяноведения // ОНС: Общественные науки и современность, 2014. – №4. – С.97–107.
- Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1991. – 400 с.
- Бердяев Н. А. Духи русской революции / Из глубины. Сборник статей о русской революции [Электронный ресурс] // URL: http://www.vehi.net/berdyayev/duhi.html#_ftn1.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 220 с.
- Брежнев: правитель «золотого века» [Электронный ресурс] // URL: http://www.plam.ru/polit/brezhnev_pravitel_zolotogo_veka/r6.php.
- Галин В. В. Запретная политэкономия. Красное и белое. (Серия: Тенденции) – М.: Алгоритм, 2006. – 608 с.
75. Гессен В. М. Основы конституционного права (издание 2–е). – Петроград: издание юридического книжного склада «Право», типо-литография товарищества А. Ф. Маркс, 1918. [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/5148630/4/#block_400.
- Голдстоун Дж. К теории революций четвертого поколения / Дж. Голдстоун; пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос, 2006. – №5 (56). – С.58–103.
- Горылев А. И., Зеленев А. В. Особенности становления избирательного права в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2008. – №5. – С.186–194.
- Даль Р. О демократии. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 208 с.
- Дарендорф Р. Элементы теории и социального конфликта // СОЦИС: Социологические исследования, 1994. – №5. – С.142–147.
- Долгоруков П. В. Петербургские очерки. – М.: Север, 1934. – 480 с.
- Забелин С., Шубин А. Глобальный кризис начала XXI века. Западная цивилизация идет по стопам СССР [Электронный ресурс] // URL: <http://www.informacional.su/future/futurology/36—xxi-?showall=1>.
- Зубкова Е. Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история, 1995. – №4. [Электронный ресурс] // URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5801.
- Зюганов Г. А. Держава. Издание 2–е, доработ. и дополн. – М.: Информпечать, 1994. – 192 с.
- Иванов И. Анафема. Хроника государственного переворота (записки разведчика). – СПб.: Паляя, 1995. – 281 с.
- Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России [пер. с англ. Т. Н. Саранцевой]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 255 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/052012/11052012-01a.html>.
- Каминка А. И. Правила 4–го марта об обществах, союзах и собраниях // Право, 1906. – №10. – Стб.867.
- Ключевский В. И. Царь Михаил Романов [Электронный ресурс] // URL: <http://knigosite.org/library/read/1140>.
- Козлов В. А. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 годы. По рассекреченным документам Верховного суда и Прокуратуры СССР // Отечественная история, 2003. – №4. – С.93–111.
- Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989. – 523 с. (Экономическое наследие). – С.172–226.
- Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
- Коркунов Н. М. Русское государственное право. – С.–Петербург Типография М. М. Стасюлевича, 1909 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://istmat.info/node/26608>.
- Крестьяне и рабочие в начале 20 века в России [Электронный ресурс] // URL: <http://biofile.ru/his/13293.html>. (дата обращения: 04.06.2016).
- Крыштановкая О. В. От милитократии к меритократии? // Русский журнал, 2008 (май). – С.61–62.
- Крючков В. А. КТБ накануне путча / В. Варенников, В. Павлов, Г. Янаев. – М.: Алгоритм. – 86 с. [Электронный ресурс] // URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6058405.
- Курашвили Б. П. Страна на распутье... (Потери и перспективы перестройки). – М.: Юридическая литература, 1990 – 176 с.
- Ленин В. И. Бойкот булыгинской думы и восстание. ПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1972. – Т.11. – 589 с.
- Ленин В. И. Из дневника публициста. ПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т.34. – 619 с. [Электронный ресурс] // URL: http://vkpb.mashuk.ru/images/pdf/Lenin_pss/tom34.pdf.
- Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. ПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т.44. – 726 с.
- Ленин В. И. Крах II Интернационала. ПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1980. – Т.26. – 592 с.
- Ленин В. И. Кризис назрел. ПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1962. – Т.34. – 585 с.
- Ленин В. И. Маевка революционного пролетариата. ПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т23. – 596 с.
- Ленин В. И. О двоевластии. – Правда, 9 апреля 1917 г. – №28. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin003.htm>.
- Ленин В. И. О пролетарской милиции. ПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т.31. – 672 с.
- Ленин В. И. Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам. – М.: Издательство политической литературы, 1962. – Т.34. – 585 с.
- Ленин В. И. Письмо Г. Мясникова. ПСС.– М.: Государственное издательство политической литературы, 1982. – Т.44. – 726 с.
- Ленин В. И. Уроки революции. ПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т.34. – 585 с.
- Манойло А. В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов [Электронный ресурс] // URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html.

43. Маркс К. Экономически-философские рукописи/ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.42. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1974. – 536 с.
44. Медушевский А. Н. Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // ОНС: Общественные науки и современность, 2013. – С.114–126.
45. Мироненко К. Н. Манифест 17 октября 1905 г. // Вопросы государства и права. Ученые записки Ленинградского университета. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – Вып.10. – №255. – С.158–179.
46. Миронин С. С. Кто и как убил Сталина? [Электронный ресурс] // URL: http://www.rusproject.org/sites/default/files/files/books/m/ironin_ubijstvo_stalina20062011.pdf.
47. Миронов Б. Н. Мифологема о системном кризисе в России после Великих реформ 1860–1870-х годов/ Труды Института российской истории / РАН, Институт российской истории. – М.: Наука, 2008. – Вып.7. – С.59–73.
48. Миронов Б. Н. Гражданское общество в поздней имперской России: было или не было? // ОНС: Общественные науки и современность, 2014. – №1. – С.141–150.
49. Назарбаев Н. А. На пороге XXI века. – Алматы: Онер, 1996. – 288 с.
50. Общественное движение в России в начале XX-го века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. Т.2. Ч.2. – СПб.: Типография. «Общественная польза» ул. Б. Подъяческая, 39, 1910. – 225 с.
51. Ортега-И-Гассет Х. Восстание масс. Глава II. Подъем исторического уровня. – С.5. [Электронный ресурс] // URL: http://modernlib.ru/books/ortegaigasset_hose/vosstanie_mass/read.
52. Островский А. В. Существовал ли системный кризис в России начала XX века? Критика концепции Б. Миронова // ОНС: Общественные науки и современность, 2014. – №2. – С.124–138.
53. Пантин В. И. Циклы реформ-контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // ПОЛИС: Политические исследования, 2011. – №6. – С.22–32.
54. Первая российская революция и самодержавие. Государственно-правовые проблемы / Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И.; Под общ. ред.: Королев А. И. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – 151 с.
55. Петиция рабочих и жителей Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // URL: <http://док.история.рф/20/petitsiya-rabochikh-i-zhiteley-sankt-peterburga/>.
56. Пикуль В. С. Крейсера. – М.: Вече, 1985. – 197 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://knigger.com/texts.php?bid=5733&page=98>.
57. Пудовиков П. Е. «Хлебные избытки и народное продовольствие» // Отечественные записки, 1879. – №10. – С.477–496.
58. Пуздрач Ю. В. Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты развития российской государственности): Дисс... д-ра и. н. – М.: Московская гуманитарно-социальная академия, 2001. – 360 с.
59. Речь Николая I в заседании Государственного совета 30 марта 1842 года [Электронный ресурс] // URL: http://elcocheingles.com/Memories/Texts/NikolayI/Nik_5.htm.
60. Россия на рубеже XIX–XX вв. [Электронный ресурс] // URL: <http://siblec.ru/index.php?dn=html&way=bW9kL2h0bWwvY29udGVu dC8xc2VtL2NvdXJzZTlZL2wxNi5odG0>.
61. Славин Б. Перестройка Горбачева и ее место в истории / Перестройка 20 лет спустя. Из стенограммы дискуссии, проведенной клубом «Свободное слово» при Институте философии Российской академии наук [Электронный ресурс] // URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/itogi/slavin.htm>.
62. Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. – М.: Academia & LVS, 2003. – 684 с.
63. Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиографический роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. – Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. – 304 с.
64. Толстой Л. Н. О голоде [Электронный ресурс] // URL: <http://tolstoy.ru/creativity/journalismguide/142.php>.
65. Троцкий Л. О кривой капиталистического развития (Письмо в редакцию вместо обещанной статьи) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.revkom.com/index.htm?biblioteka/marxism/trotsky/kriva.htm>.
66. Туманова А. С. Законотворчество правительства П. А. Столыпина в сфере обеспечения свободы союзов (доклад на Международной научной конференции «Феномен П. А. Столыпина в истории двух культур», Вильнюс, 07–11.09.2011 г.).
67. Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – 327 с.
68. Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. – Тамбов: Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 488 с.
69. Устав о наследии престола от 5 (16) февраля 1722 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/prestol1.htm>.
70. Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего) / И. Я. Фроянов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – 160 с.
71. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействиях. – Москва–Ижевск, 2003. – 320 с.
72. Шемшук В. А. Дьявольский переворот в России [Электронный ресурс] // URL: <http://ruspravda.info/Dyavolskiy-perevorot-v-Rossii-1563.html>.
73. Широкопад А. Б. Северные войны России / Под общ. ред. А. Е. Тараса. – М.: ООО «Издательство АСТ». – Мн.: Харвест, 2001. – 848 с. (Военно-историческая библиотека) // http://militera.lib.ru/h/shirokorad1/3_03.html.
74. Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. 12 Писем. (1872–1887 гг.). – СПб.: Наука, 1999. – 714 с. [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/e/engelgardt_a_n/text_0020.shtml.
75. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / В кн. Сочинения. К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т.2. – 668 с.
76. Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and expanded edition. – New York: Vintage, 1965. – 310 p.
77. Collapse of the USSR interview with Anatoly Lukianov [Электронный ресурс] // URL: <http://zhanaozen1216.wordpress.com/2013/01/05/05-01-2013-распад-сср-интервью-с-анатолем-лу/>.
78. Dawisha's K. Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia? – N. Y., London: Simon & Schuster, 2014. – 1169 p. [Электронный ресурс] // URL: <chrome-extension://mhjfbmdgcfjbbpaeojofohoefgiehjai/index.html>.

References

1. 1905 god – Pervaja russkaja revoljucija [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://www.great-country.ru/content/letopis/1905.php>.
2. Alekseev V. V., Nefedov S. A. Gibel' Sovetskogo Sojuza v kontekste istorii socializma // ONS: Obshhestvennye nauki i sovremennost', 2002. – №6. – S.66–77.
3. Anisimov E. V. Imperatorskaja Rossija. – SPb.: Piter, 2011. – 670 s. [Jelektronnyj resurs] // URL: http://www.nnre.ru/istorija/imperatorskaja_rossija/p6.php.
4. Babashkin V. V. Russkaja revoljucija v kontekste krest'janovedenija // ONS: Obshhestvennye nauki i sovremennost', 2014. – №4. – S.97–107.
5. Barg M. A. Velikaja anglijskaja revoljucija v portretah ee dejatelej / M. A. Barg. – M.: Mysl', 1991. – 400 s.
6. Berdjaev N. A. Duh russkoj revoljucii / Iz glubiny. Sbornik statej o russkoj revoljucii [Jelektronnyj resurs] // URL: http://www.vehi.net/berdyaev/duhi.html#_ftn1.
7. Berdjaev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. – M.: Nauka, 1990. – 220 s.
8. Brezhnev: pravitel' 'zlototogo veka' [Jelektronnyj resurs] // URL: http://www.plam.ru/polit/_brezhnev_pravitel_zlototogo_veka/p6.php.
9. Galin V. V. Zapretnaja politjekonomija. Krasnoe i beloe. (Serija: Tendencii) – M.: Algoritm, 2006. – 608 s.
10. 75. Gessen V. M. Osnovy konstitucionnogo prava (izdanie 2-e). – Petrograd: izdanie juridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», tipo-litografija tovarishhestva A. F. Marks, 1918. [Jelektronnyj resurs] // URL: http://base.garant.ru/5148630/4/#block_400.
11. Goldstoun Dzh. K teorii revoljucij chetvertogo pokolenija / Dzh. Goldstoun; per. s angl. N. Jedel'mana // Logos, 2006. – №5 (56). – S.58–103.
12. Gorylev A. I., Zelenov A. V. Osobennosti stanovlenija izbiratel'nogo prava v Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2008. – №5. – S.186–194.
13. Dal' R. O demokratii. – M.: Aspekt-Press, 2000. – 208 s.
14. Darendorf R. Jelementy teorii i social'nogo konflikta // SOCIS: Sociologicheskie issledovanija, 1994. – №5. – S.142–147.
15. Dolgorukov P. V. Peterburgskie ocherki. – M.: Sever, 1934. – 480 s.
16. Zabelin S., Shubin A. Global'nyj krizis nachala XXI veka. Zapadnaja civilizacija idet po stopam SSSR [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://www.informacional.su/future/futurology/36---xxi-?showall=1>.

17. Zubkova E. Ju. Malenkov i Hrushhev: lichnyj faktor v politike poslestalinskogo rukovodstva // Otechestvennaja istorija, 1995. – №4. [Elektronnyj resurs] // URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5801.
18. Zjuganov G. A. Derzhava. Izdanie 2-e, dorabot. i dopoln. – M.: Informpechat', 1994. – 192 s.
19. Ivanov I. Anafema. Hronika gosudarstvennogo perevorota (zapiski razvedchika). – Spb.: Paleja, 1995. – 281 s.
20. Ister Dzh. M. Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnyh svyazej i samoidentifikacija jeliti v Sovetskoj Rossii [per. s angl. T. N. Sarancevoj]. – M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN); Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina», 2010. – 255 s. [Elektronnyj resurs] // URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/052012/11052012-01a.html>.
21. Kaminka A. I. Pravila 4-go marta ob obshhestvah, sojuzah i sobranijah // Pravo, 1906. – №10. – Stb.867.
22. Kljuchevskij V. I. Car' Mihail Romanov [Elektronnyj resurs] // URL: <http://knigosite.org/library/read/1140>.
23. Kozlov V. A. Kramola: inakomyслиe v SSSR pri Hrushheve i Brezhneve. 1953–1982 gody. Po rasskrechennym dokumentam Verhovnogo suda i Prokuratury SSSR // Otechestvennaja istorija, 2003. – №4. – S.93–111.
24. Kondrat'ev N. D. Bol'shie cikly jekonomicheskoy konjunktury: Doklad // Problemy jekonomicheskoy dinamiki. – M.: Jekonomika, 1989. – 523 s. (Jekonomicheskoe nasledie). – S.172–226.
25. Kordonskij S. G. Soslovnaja struktura postsovetskoj Rossii. – M.: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2008. – 216 s.
26. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. – S.-Peterburg Tipografija M. M. Stasjulevicha, 1909 g. [Elektronnyj resurs] // URL: <http://istmat.info/node/26608>.
27. Krest'jane i rabochie v nachale 20 veka v Rossii [Elektronnyj resurs] // URL: <http://biofile.ru/his/13293.html>. (data obrashhenija: 04.06.2016).
28. Kryshantovkaja O. V. Ot militokratii k meritokratii? // Russkij zhurnal, 2008 (maj). – S.61–62.
29. Krjuchkov V. A. KGB nakanune putcha / V. Varennikov, V. Pavlov, G. Janaev. – M.: Algoritm. – 86 s. [Elektronnyj resurs] // URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6058405.
30. Kurashvili B. P. Strana na rasput'e... (Poteri i perspektivy perestrojki). – M.: Juridicheskaja literatura, 1990 – 176 s.
31. Lenin V. I. Bojkot buljginskoj dumi i vosstanie. PSS. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1972. – T.11. – 589 s.
32. Lenin V. I. Iz dnevnika publicista. PSS. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969. – T.34. – 619 s. [Elektronnyj resurs] // URL: http://vkpb.mashuk.ru/images/pdf/Lenin_pss/tom34.pdf.
33. Lenin V. I. K chetyrehletnej godovshhine Oktjabr'skoj revoljucii. PSS. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974. – T.44. – 726 s.
34. Lenin V. I. Krai Internatsionala. PSS. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1980. – T.26. – 592 s.
35. Lenin V. I. Krizis nazrel. PSS. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1962. – T.34. – 585 s.
36. Lenin V. I. Maevka revoljucionnogo proletariata. PSS. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1973. – T.23. – 596 s.
37. Lenin V. I. O dvoevlastii. – Pravda, 9 aprelya 1917 g. – №28. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin003.htm>.
38. Lenin V. I. O proletarskoj milicii. PSS. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974. – T.31. – 672 s.
39. Lenin V. I. Pis'mo v CK, MK, PK i chlenam Sovetov Pitera i Moskvy bol'shevikam. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1962. – T.34. – 585 s.
40. Lenin V. I. Pis'mo G. Mjasnikovu. PSS. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1982. – T.44. – 726 s.
41. Lenin V. I. Uroki revoljucii. PSS. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974. – T.34. – 585 s.
42. Manojlo A. V. Cvetnye revoljucii i tehnologii demontazha politicheskikh rezhimov [Elektronnyj resurs] // URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html.
43. Marks K. Jekonomicheski-filosofskie rukopisi/ Marks K., Jengel's F. Soch. – T.42. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974. – 536 s.
44. Medushevskij A. N. Fenomen bol'shevizma: logika revoljucionnogo jekstremizma s pozicij kognitivnoj istorii // ONS: Obshhestvennye nauki i sovremennost', 2013. – S.114–126.
45. Mironenko K. N. Manifest 17 oktjabrja 1905 g. // Voprosy gosudarstva i prava. Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1958. – Vyp.10. – №255. – S.158–179.
46. Mironin S. S. Kto i kak ubil Stalina? [Elektronnyj resurs] // URL: http://www.rusproject.org/sites/default/files/files/books/m/mironin_ubijstvo_stalina20062011.pdf.
47. Mironov B. N. Mifologema o sistemnom krizise v Rossii posle Velikih reform 1860–1870-h godov/ Trudy Instituta rossijskoj istorii / RAN, Institut rossijskoj istorii. – M.: Nauka, 2008. – Vyp.7. – S.59–73.
48. Mironov B. N. Grazhdanskoe obshhestvo v pozdneimperskoj Rossii: bylo ili ne bylo? // ONS: Obshhestvennye nauki i sovremennost', 2014. – №1. – S.141–150.
49. Nazarbaev N. A. Na poroge XXI veka. – Almaty: Oner, 1996. – 288 s.
50. Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX-go veka / Pod red. L. Martova, P. Maslova, A. Potresova. T.2. Ch.2. – SPb.: Tipografija. «Obshhestvennaja pol'za» ul. B. Pod'jacheskaja, 39, 1910. – 225 s.
51. Ortega-I-Gasset H. Vosstanie mass. Glava II. Pod'em istoricheskogo urovnja. – S.5. [Elektronnyj resurs] // URL: http://modernlib.ru/books/ortegaigasset_hose/vosstanie_mass/read.
52. Ostrovskij A. V. Sushhestvoval li sistemnyj krizis v Rossii nachala XX veka? Kritika koncepcii B. Mironova // ONS: Obshhestvennye nauki i sovremennost', 2014. – №2. – S.124–138.
53. Pantin V. I. Cikly reform-kontreform v Rossii i ih svjaz' s ciklami mirovogo razvitiya // POLIS: Politicheskie issledovanija, 2011. – №6. – S.22–32.
54. Pervaja rossijskaja revoljucija i samodержavie. Gosudarstvenno-pravovye problemy / Vasil'eva N. I., Gal'perin G. B., Korolev A. I.; Pod obshh. red.: Korolev A. I. – L.: Izd-vo LGU, 1975. – 151 s.
55. Peticija rabochih i zhitelej Sankt-Peterburga [Elektronnyj resurs] // URL: <http://dok.istorija.rf/20/petitsiya-rabochikh-i-zhitelej-sankt-peterburga/>.
56. Pikul' V. S. Krejsera. – M.: Veche, 1985. – 197 s. [Elektronnyj resurs] // URL: <http://knigger.com/texts.php?bid=5733&page=98>.
57. Pudovikov P. E. «Hlebnye izbytki i narodnoe prodovol'stvie» // Otechestvennye zapiski, 1879. – №10. – S.477–496.
58. Puzdrach Ju. V. Stanovlenie konstitucionalizma v Rossii (teoreticheskij i istoricheskij aspekty razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti): Diss... d-ra i. n. – M.: Moskovskaja gumanitarno-social'naja akademija, 2001. – 360 s.
59. Rech' Nikolaja I v zasedanii Gosudarstvennogo soveta 30 marta 1842 goda [Elektronnyj resurs] // URL: http://elcocheingles.com/Memories/Texts/NikolajI/Nik_5.htm.
60. Rossija na rubezhe XIX–XX vv. [Elektronnyj resurs] // URL: <http://siblec.ru/index.php?dn=html&way=bW9kL2h0bWwvY29udGVu dC8xc2VtL2NvdXJzZTlZL2wxi5odG0>.
61. Slavin B. Perestrojka Gorbacheva i ee mesto v istorii / Perestrojka 20 let spustja. Iz stenogrammy diskussii, provedennoj klubom «Svobodnoe slovo» pri Institute filosofii Rossijskoj akademii nauk [Elektronnyj resurs] // URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/itogi/slavin.htm>.
62. Sorokin P. A. Golod kak faktor. Vlijanie goloda na povedenie ljudej, social'nuju organizaciju i obshhestvennuju zhizn'. – M.: Academia & LVS, 2003. – 684 s.
63. Sorokin P. A. Dolgij put': Avtobiograficheskij roman / per. s angl. P. N. Krotova, A. V. Lipskogo. – Syktyvkar: Sojuz Zhurnalistov Komi ASSR: Shypas, 1991. – 304 s.
64. Tolstoj L. N. O golode [Elektronnyj resurs] // URL: <http://tolstoj.ru/creativity/journalismguide/142.php>.
65. Trockij L. O krivoj kapitalisticheskogo razvitiya (Pis'mo v redakciju vmesto obeshhannoj stat'i) [Elektronnyj resurs] // URL: <http://www.revkom.com/index.htm?biblioteka/marxism/trotskyi/kriva.htm>.
66. Tumanova A. S. Zakonotvorchestvo pravitel'stva P. A. Stolypina v sfere obespechenija svobody sojuzov (doklad na Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Fenomen P. A. Stolypina v istorii dvuh kul'tur», Vil'njus, 07–11.09.2011 g.).
67. Tumanova A. S. Obshhestvennye organizacii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 g.). – M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2014. – 327 s.
68. Tumanova A. S. Samoderzhavie i obshhestvennye organizacii v Rossii. 1905–1917 gody. – Tambov: Izdatel'stvo TGU im. G. R. Derzhavina, 2002. – 488 s.
69. Ustav o nasledii prestola ot 5 (16) fevralja 1722 goda [Elektronnyj resurs] // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/prestol1.htm>.
70. Frojanov I. Ja. Oktjabr'semnadcatogo (gljadja iz nastojashhego) / I. Ja. Frojanov. – Spb.: Izd-vo S.–Peterb. un-ta, 1997. – 160 s.
71. Haken G. Tajny prirody. Sinergetika: uchenie o vzaimodejstvii. – Moskva–Izhevsk, 2003. – 320 s.
72. Shemshuk V. A. D'javol'skij perevorot v Rossii [Elektronnyj resurs] // URL: <http://ruspravda.info/Dyavolskiy-perevorot-v-Rossii-1563.html>.
73. Shirokorad A. B. Severnye vojny Rossii / Pod obshh. red. A. E. Tarasa. – M.: OOO «Izdatel'stvo ACT». – Mn.: Harvest, 2001. –

848 s. (Voenno-istoricheskaja biblioteka) // http://militera.lib.ru/h/shirokorad1/3_03.html.

74. Jengel'gardt A. N. Pis'ma iz derevni. 12 Pisem. (1872–1887 gg.). – Spb.: Nauka, 1999. – 714 s. [Jelektronnyj resurs] // URL: http://az.lib.ru/e/engelgardt_a_n/text_0020.shtml.

75. Jengel's F. Polozhenie rabochej klassa v Anglii / V kn. Sochinenija. K. Marks, F. Jengel's. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. – T.2. – 668 s.

76. Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and expanded edition. – New York: Vintage, 1965. – 310 p.

77. Sollapse of the USSR interview with Anatoly Lukianov [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://zhanaozen1216.wordpress.com/2013/01/05/05-01-2013-raspad-sssr-interv'ju-s-anatolijem-lu/>.

78. Dawisha's K. Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia? – N. Y., London: Simon & Schuster, 2014. – 1169 p. [Jelektronnyj resurs] // URL: <chrome-extension://mhjfbmdgcfjbbpaeofofohiefgiehjai/index.html>.

Трофимов Е. А., Candidate of Politic Sciences, Associate Professor (Russia, Blagoveshchensk), trewal15@yandex.ru

Russia in the phenomenology of negative political instability: the question of «Russian power»

The article is devoted to the problem of «Russian power» and consists of two parts (articles). The first article deals with the phenomenon of «negative political instability» and its main types – revolution, coup d'état, reform / counter-reform. In the second article – types of negative political instability in relation to Russian politics. A homeostatic conception of the emergence of processes of negative political instability is proposed for consideration and discussion, revealing the existence of a relationship between the evolutionary transformation of the society and the balance both in the system «citizens – civil society – state» and the elements making up this system.

The purpose of the study is to identify the reasons for the non-linearity of the development of Russian politics, the demythologization of the «Russian government».

Research hypothesis: the processes of negative political instability are directly related to the monocentric organization of Russian politics, which reproduces the «bad» equilibrium.

The article uses a neoinstitutional approach; Dialectical, historical, logical methods of investigation. The phenomenon of power is considered within the framework of the relational concept. Under the non-linearity of the development of society is understood as permanently deviating from the general civilization projection process of the existence of politics.

Keywords: «Russian power», political system, instability, political equilibrium, monocentrism, revolution, coup, reforms / counter-reforms.

Трофимов Е. О., кандидат політичних наук, доцент (Росія, Благовещенськ), trewal15@yandex.ru

Росія в феноменології негативної політичної нестабільності: до питання про «Російську владу»

Статтю присвячено проблемі «російської влади» і складається з двох частин (статей). У першій статті розглядається феномен «негативна політична нестабільність» і її основні види – революція, державний переворот, реформи / контрреформи. У другій статті – види негативної політичної нестабільності стосовно російської політиці. Пропонується до розгляду та обговорення гомеостатична концепція виникнення процесів негативної політичної нестабільності, що розкривається в наявності залежності між еволюційної трансформації соціуму і балансом як в системі «громадяни – громадянське суспільство – держава», так і складають дану систему елементів.

Мета дослідження полягає у виявленні причин нелінійності розвитку російської політиці, деміфологізації «російської влади».

Гіпотеза дослідження: процеси негативної політичної нестабільності прямо пов'язані з моноцентричною організацією російської політиці, що відтворює «поганий» екілібрій.

У статті використовується неінституціональний підхід; діалектичний, історичний, логічний методи дослідження. Феномен влади розглядається в рамках реляційної концепції. Під нелінійністю розвитку суспільства розуміється процес побутування політиці що перманентно відхиляється від загальноцивілізаційної проєкції.

Ключові слова: «Російська влада», політична система, нестабільність, політична рівновага, моноцентризм, революція, державний переворот, реформи / контрреформи.

* * *

УДК 32+341

Кан Ден Сик, кандидат политических наук, доцент кафедры Восточной филологии, Киевский национальный лингвистический университет (Украина, Киев), kme112000@yahoo.com

МИРНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СВА И ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Рассматриваются причины, которые мешают мирному преобразованию в СВА. Важность геополитического расположения, которая превратила Корейский полуостров в центр конфликта и раздора, мешая мирному развитию СВА. Довольно подробно анализируются причины отказа от ядерного оружия Северной Кореи, закрытая изоляционная политика Северной Кореи, которая является преградой для объединения и мирного процветания СВА. В статье приводятся доводы, почему до сих пор Корея не объединилась, подробно описывается причины изменения взглядов великих держав на проблему объединения Кореи.

Ключевые слова: экономическое развитие северной части СВА, сохранение существующего режима Северной Кореи, реформы и преобразование, мирное преобразование СВА, противостояние великих держав.

(статья друкється мовою оригіналу)

Корейский полуостров занимает исключительно важное геополитическое положение в СВА, куда входит еще северо-восточная часть Китая, Приморский край России, Монголия, Япония. Кроме того, в этом регионе противостоят и в военном и политическом отношении четыре великих державы, такие как США, Китай, Япония, Россия. И еще необходимо подчеркнуть, что в этом регионе расположены экономически сильные страны, такие как Япония, Южная Корея и Китай.

Особенностью этого региона является еще и то, что здесь находятся экономически отсталые северо-восточная часть Китая, Приморский край России, Сибирь, Монголия и Северная Корея. Многие исследователи считают, что эти отсталые в экономическом отношении регионы могут стать мощными катализаторами экономического развития СВА. В связи с тем, что Корейский полуостров находится в самом центре этого неординарного региона, то это может сыграть очень важную роль. Корейский полуостров может послужить и плацдармом для выхода на океанские просторы и воротами для внедрения на континент, поэтому можно считать, что находится в конфликтогенной зоне, где сталкиваются интересы морских и континентальных держав [2, с. 29]. В последнее время Республика Корея успешно пользуется выгодным геополитическим расположением для расширения рынка сбыта, распространения новейших технологий, вкладывания капитала.

В слабо развитые районы СВА можно выгодно вложить свой капитал, технологию, новейшие разработки. Но существует одна проблема – раскол Кореи, которая не позволяет в полной мере воспользоваться удачным геополитическим расположением Корейского полуострова и даже наоборот стал центром для конфликта и раздора, что явно мешает мирному развитию СВА.

Такая ситуация не позволяет активно включаться в экономическое преобразование региона. Более 70-летняя история раскола Корейского полуострова красноречиво говорит об этом. Отсюда можно сделать вывод, что объединение Кореи не только крайне необходимо для корейцев, но и для мирного процветания СВА.

Прежде всего, процессу объединения Кореи и мирного процветания в СВА мешает закрытая, изоляционная политика Северной Кореи. Казалось бы, после окончания